

Гермин Безмен

КУРТ СЕИТ
и
ШУРА

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Благодарность

Моя дорогая бабушка – любимая Мурка, как называл тебя дедушка, – я благодарю тебя за смелость, с которой ты поведала мне о событиях давно минувших дней, которые ты, наверное, хотела бы забыть.

Дорогая мама Леман Улус (Леманушка), ты тоже помогала мне узнавать прошлое.

Милая тетя Саниха Гёргюлю, ты помогла мне составить фрагменты воспоминаний в связный увлекательный рассказ.

Жак Делеон, дорогой друг, благодарю тебя за то, что помог разыскать мне следы потерявшейся главной героини романа – Шуры! Ты показал мне, с каким увлечением может работать настоящий исследователь.

Уважаемая госпожа баронесса Валентина Клодт фон Юргенсбург (Валентина Таскина)! Благодарю Вас за все то, что Вы мне поведали, и за все фотографии, которыми поделились. Вы рассказали мне о жизни Шуры, поведав даже о ее детстве и отрочестве, и вдохновили меня на создание книги о ней. Увы, я слишком поздно познакомилась с баронессой. Но за последние несколько месяцев ее жизни мы успели поговорить обо всех девяти десятках лет ее жизни. Ее рассказы заставили нас пережить прошлое, вспомнить о годах, оставшихся позади, обо всех, кого она знала и любила. Она с огромным волнением ожидала появления романа о Шуре. Она ничего не знала о сестре, пропавшей из виду много лет назад. К несчастью, мы потеряли баронессу весной 1992 года, когда готовилось к выходу первое издание романа. Мне всегда будет не хватать Вас, баронесса.

Сейчас, в 2018 году, когда «Курт Сеит и Шура» в сороковой с лишним раз готовятся встретиться с вами, я от всего сердца благодарю вас, мои дорогие и преданные читатели, за то, что вы разделили со мной долгие годы жизни моей семьи, а также за внимание, любовь, преданность, все звонки, письма и электронные сообщения, которые я счастлива от вас получать.

От автора

Эта история произошла в действительности. И книга, которую вы держите в руках, – лишь полное приключений путешествие в события, которые я попыталась оживить с помощью силы воображения.

В эти дни, когда книга выходит на русском языке, я переживаю одновременно счастье и смущение. Я так привыкла к героям, которым на протяжении долгих дней дарила душу, что теперь мне трудно распрощаться с ними. Я буду по ним очень тосковать. Возвращаясь в реальный мир, я понимаю, что тени прошлого, любовь, страдания, желания и жизни которых вдохновляли меня, никогда не оставят автора этих строк. Я с большой любовью, грустью и благодарностью вспоминаю героев моего романа, которых уже нет в живых, и надеюсь, что эта книга станет данью памяти и уважения к ним.

Нермин Безмен

*Мой дорогой дедушка Курт Сеит,
теперь я понимаю тебя гораздо лучше.
Посвящаю эту книгу тебе
и очень по тебе тоскую.*

ГЛАВА I
НОЧЬ В ПЕТРОГРАДЕ
1916

Город спал под белым одеялом лениво падавшего снега. Большие колеса конной коляски с трудом вспахивали сугробы, когда она медленно ехала от площади Александра Невского, пока наконец не остановилась у обочины перед большим трехэтажным зданием. Возница поднял взгляд на окна и поймал луч света, мелькнувший в одной из комнат на верхнем этаже.

Несколько снежинок, принесенных легким морозным ветром, примерзли к оконному стеклу. Будто почувствовав взгляд возницы, шторы, а затем и тюлевые занавески на окне раздвинулись. Появился мужской силуэт. Мужчина протер изморозь на стекле, махнул и исчез внутри. Человек в комнате проверил часы в свете только что зажженной лампы. Времени было полно. Стараясь не разбудить крепко спавшую рядом женщину, он медленно откинул одеяло, забрался в постель, продолжая сжимать часы. Затем, передумав, отбросил одеяло и встал. Запустив пальцы в волосы, он медленно прошел к окну, отдернул занавеси и посмотрел на улицу. Белизна снега в лунном свете начиналась прямо за окном, покрывая собою сад, заборы, широкий проспект и все прочее. Мир был совершенно белым. Свечение нарастало и слабело вслед за лунной, светившей между облаков, несомых ветром. Все выглядело величественным в этой белизне.

Двойные окна и толстые шторы не пускали в комнату холод прекрасного мира. В теплой и довольно темной комнате стоял густой запах смеси женских духов, алкоголя и лаванды от простыней, напоминая о волнующей ночи, которая завершилась лишь недавно.

Молодой человек отвел взгляд от окна и посмотрел в сторону кровати. Лунный свет и сияние снега снаружи отражались на женщине с обнаженной до талии спиной. В темноте комнаты нельзя было разглядеть цвет ее разметавшихся по подушке волос, но он вспомнил, что они рыжие. Стройная ложбинка сбегала по спине к поясу, где чуть ниже талии начиналась простыня. Округлое правое плечо сияло, как у мраморной статуи.

Молодой человек стоял обнаженной спиной к окну. Холод его, похоже, не беспокоил. Он улыбался, вспоминая прошедшую ночь. На круглом столе перед камином стояла чаша с фруктами, полупустой хрустальный графин и фужеры, поспешно оставленные парой, устремившейся к постели. Как нетерпелива была эта Катя. Или ее звали Лидой? «Какая разница, как ее зовут», – подумал он. Страстная рыжая красотка приложила все силы, чтобы ночь запомнилась.

Молодой человек поднял один из хрустальных фужеров и залпом допил оставшееся вино. Глотая, он дернул головой – вино почему-то обожгло. Потом подошел к зеркалу и зажег лампу, дававшую мягкий желтоватый свет. Теперь видно было лучше. На кушетке валялась куча одежды, он выбрал свою, затем достал свежее белье из среднего ящика комода. Уже направляясь в ванную, он услышал томный женский голос:

– Дорогой, почему ты поднялся так рано?

Молодой человек повернулся, подошел к кровати, держа скомканную одежду. В тусклом свете было видно, как женщина повернулась, показывая круглые плечи и пышную грудь. Подняв руку, чтобы поправить волосы, она потянулась к мужчине. Он с вождением посмотрел на нее. Черные глаза с длинны-

ми черными ресницами ответили ему тем же. Она была мастером в использовании томных глаз, умело подчиняя мужчин их магии, ее глаза внушали мечты о великой любви. Она прикрыла глаза и открыла полные губы в ожидании поцелуя. Молодой человек присел на кровать, улыбаясь ее кокетству, не знавшему отказа. От простыней исходил теплый запах тела, смешанный с запахом ее духов. Он не сопротивлялся, но, подарив ей последний поцелуй, попытался освободиться.

– Я должен собираться. Если хочешь, могу отвезти тебя домой.

Она игриво нахмурилась и пожала плечами:

– Нельзя задержаться еще немного?

– Я должен собираться в поездку.

– Куда?

– В Москву.

– Когда ты вернешься? Ты позовешь меня снова?

Она начала выбираться из постели, совершая самые женственные движения, надеясь искутить его и заставить передумать. В ответ он улыбнулся и ущипнул ее за щеку. Затем отправился в ванную.

Пока он мылся, мысли его были далеко. Он не мог вспомнить имя этой женщины. Не то чтобы это было важно, поскольку она была одним из его многочисленных приключений на одну ночь. Они вместе покинули очередной прием. Судя по качеству ее одежды и драгоценностям, она была не рядового разряда. Она, вероятно, появилась на приеме в сопровождении кого-то, того, кто, возможно, ее содержал.

Когда он брился, его мысли отвлеклись от нее и ее имени и он начал строить планы на поездку. Оставался час до встречи на вокзале. Он заторопился, обернул полотенце вокруг пояса и вышел в спальню, где увидел ее уже полностью одетой. Он взял немного одеколона из пузырька на комод и побрызгал им лицо и шею. Затем спросил ее:

– Ты не хочешь принять ванну?

Она ответила кокетливо:

– Я никогда не принимаю ванну в одиночку.

Он улыбнулся, причесывая волосы. Мужу или любовнику этой женщины, кто бы он ни был, приходится мириться со многим, подумал он. Он был теперь снова обнажен и одевался, расхаживая по комнате. Женщина сидела на краю постели, разглядывая его с восхищением. Его волнистые волосы спадали волнами на лоб, а ровно подстриженные усы были каштановыми. У него были яркие темно-синие глаза, прямой нос, изгиб губ говорил как о достоинстве, так и об остроумии. Ямочка на подбородке подчеркивала и без того красивое лицо. Разглядывая его, женщина думала о том, как сильно хотелось бы ей встретиться с ним вновь, и вздохнула. Она хотела задать ему несколько вопросов, но он, теперь одетый в форму и сапоги, вышагивал по комнате туда и сюда, собираясь в дорогу, явно не замечая ее присутствия. Женщина следила за ним с изумлением. Разве не с этим мужчиной она поделила постель и провела несколько восхитительных часов? Она с грустью признала, что, несмотря на ловкие трюки, привязать его к себе не удалось. Сбитая с толку, она вздохнула снова и села на кровать. Из расписной шкатулки на комод он достал кольцо и надел на палец, затем положил часы в нагрудный карман. Она восхищалась этими предметами прошлой ночью и спрашивала его о них, а он рассказал, что бриллиантовое кольцо с сапфирами было семейной ценностью, а золотые часы с эмалью и рубинами – подарком царя Николая II. Она прекрасно разбиралась в драгоценностях.

Вскоре оба были готовы к выходу. Снаружи доносился топот копыт. Мужчина посмотрел в окно. Затем помог ей надеть меховое пальто, меховую шляпу и варежки. Надевая свои, он произнес:

– Теперь мы можем идти. Артем отвезет тебя домой.

Он погасил свет, взял чемодан и шагнул к двери. Она последовала за ним. Ей хотелось, чтобы он на прощание поцело-

вал ее и попросил о свидании. Она была немного сердита, что он вел себя так, будто между ними ничего не произошло.

Перед дверью на покрывавшем улицу снегу стояли две коляски. Увидев выходящую из дома пару, возницы бросились к обоим. Один возница подхватил его чемодан. Он повернулся к своей спутнице и сказал:

– Артем отвезет тебя к дому. Береги себя.

Он все еще не мог вспомнить ее имя.

Она решила попытать удачи:

– Мы встретимся снова?

– Все может быть.

Она подставила ему щеку для поцелуя, совершенно не смущаясь возниц. Внезапно она решилась на вопрос, который долго не давал ей покоя. Она застенчиво улыбнулась и спросила:

– Извини, не мог бы ты повторить, как тебя зовут?

Его здоровый смех разорвал тишину утра. Ясно, каждый из них немного запомнит из прошедшей ночи, исключая, конечно, ее окончание. Он отдал ей честь, как будто они только что встретились, и медленно произнес:

– Эминов, поручик Сеит Эминов.

Когда возницы разъехались в разные стороны, Курт Сеит Эминов мгновенно позабыл рыжеволосую женщину, с которой провел прекрасную страстную ночь.

ГЛАВА 2

МОСКВА

1916

С Красной площади в сторону Моховой ехала тройка, бубенцы звенели наперегонки с топотом копыт. Вдали колокола Спасской башни пробили восемь вечера.

В тройке рядом с отцом сидели две девушки в меховых пальто, шапках и варежках. Им было немного холодно, и они

прижимались к отцу, наслаждаясь звуками и огнями волшебного города. Младшая, Александра, сидевшая справа, вынула руку из варежки и смахнула снежинки со светлых кос, выбивающихся из-под шапки. Она посмотрела на отца и встретила его улыбающийся взгляд. Она тепло улыбнулась в ответ. Погладив дочь по руке, Юлиан Верженский почувствовал себя хоть и усталым, но счастливым человеком. Затем он повернулся к Валентине, старшей дочери, сидевшей слева. Александра отвлеклась от окружающих красот и посмотрела на него. Каким усталым и изможденным выглядел ее дорогой папочка, но разве не из-за этого они приехали из Кисловодска?

Юлиан Верженский предпринял путешествие в сопровождении дочерей потому, что их семейный доктор настоял на полном обследовании в московском госпитале, в результате которого на следующий день могла потребоваться операция. Хотя Александра не понимала медицинских терминов, она догадывалась, что с легкими отца что-то не в порядке. Слова «операция» и «болезнь» пугали ее. Вся веселость слетела с нее, когда она представила, что может потерять отца. Она с трудом удержалась, чтобы не расплакаться.

А Юлиан Верженский рассказывал историю Москвы и Кремля:

– Первые стены Кремля были построены во время правления Дмитрия Донского. Часы на часовой башне были созданы сербским монахом из Афона...

Внезапно он прервал свой рассказ и повернулся к дочерям, которые грустно слушали его:

– Что с Шурочкой, почему в ее глазах слезы?

Шура улыбнулась, слегка смущенная тем, что ее застали врасплох. Она смахнула воображаемую снежинку с ресниц.

– Я думаю, что это снежинка попала в глаз.

Она улыбнулась. Ей хотелось, чтобы отец никогда не страдал. Отец спросил с беспокойством:

– Ты замерзла?

– Нет-нет, папочка, мне хорошо, поверьте.

– Московская погода, в отличие от кисловодской, сурова и холодна.

– Все равно она очень приятная.

Шура откинула голову и глубоко вдохнула холодный вечерний воздух, пахнущий снегом. Отец, улыбаясь, похлопал ее по руке и объявил, что они доехали до резиденции Боринских. Коляски въезжали в сад через огромные ворота и выстраивались, чтобы высадить пассажиров у широкой мраморной лестницы, ведущей в роскошный особняк, а затем выезжали через вторые ворота. Хорошо одетые женщины смахивали снег с мехов и изящно шагали вверх по ступенькам, придерживая одной рукой широкие юбки, а второй держа под руку также закутанных в меха элегантных спутников.

С того самого момента, когда они въехали в огромные ворота, Шуру охватил неопишуемый восторг. Это был первый взрослый бал, на который она направлялась. Ей было всего шестнадцать. Ее сестра Валентина была на год старше и уже бывала на таких приемах в Кисловодске. По рассказам Валентины Шура знала, что на таких балах молодые, красивые и благородные мужчины будут выстраиваться в очередь, чтобы пригласить девушек на танец. Когда она поднималась по ступеням лестницы с отцом, ее сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот – и оно остановится. Она предчувствовала, что этой ночью должно случиться нечто особенное. Она не знала что, но внутренний голос обещал ей чудо. Миновав лестницу, в просторном вестибюле они сдали свои пальто и шляпы слугам во фраках, затем поднялись еще на три ступени, направляясь в огромный аванзал, из которого шли дальше, в бальный. Звуки музыки изнутри отражались в залах и коридорах и, нарастая, достигали их. В дверях большого зала церемониймейстер приветствовал гостей с важным видом человека, занятого серьезным делом. Он сделал два шага вперед, стукнул жезлом в пол и громким голосом объявил:

– Господин Юлиан Верженский! Госпожа Валентина Юлиановна Верженская! Госпожа Александра Юлиановна Верженская!

Затем он отступил и пропустил Верженского и его дочерей. Они сошли по лестнице с перилами, украшенными хрусталем. Гости мимолетно повернули головы, чтобы взглянуть на вновь прибывших, а затем вернулись к своим разговорам. Хозяин, Андрей Боринский, подошел к лестнице, чтобы встретить гостей. По его движениям было видно, что он рад им. Боринский и Верженский были акционерами одной нефтяной компании. И хотя они нечасто виделись, их соединяла тесная дружба. Боринский тепло поприветствовал друга, затем повернулся к девушкам и воскликнул:

– Боже мой! Юлиан, друг мой, я не могу поверить, что это твои маленькие прелестные дочурки. Они всё такие же милые, даже стали еще милее, но они теперь уже не дети. Как летит время. Пойдем, позволь мне представить тебя друзьям.

Девушки последовали за отцом и хозяином, чтобы присоединиться к другим гостям. Валентина ступала легко и уверенно, Шура не могла сдержать восторг. Она боялась смотреть вокруг, чтобы не встретить взгляд, который мог бы прочесть ее волнение. Она лишь прошептала сестре на ухо:

– Тиночка, пожалуйста, не оставляй меня одну...

Валентина, изящно придерживая подол розового вечернего бального платья, улыбнулась сестре:

– Не беспокойся, Шурочка, ты бы так не говорила, если бы видела глаза людей, которые с восхищением смотрят на тебя.

Чтобы проверить слова Валентины, Шура опасно перевела взгляд направо, затем налево. Сестра, должно быть, шутит, подумала она, но вдруг ее взгляд встретился с парой синих глаз, пристально следивших за ней. Ей показалось, что тело пронзила молния. Лицо залилось румянцем, сердце заколотилось. Она быстро отвернулась и посмотрела вниз. Ее отец беседовал с каким-то бароном. Валентина начала пере-

говариваться со смазливой девочкой, которую они встречали в Кисловодске, имени ее Шура не запомнила. Она вновь почувствовала взгляд молодого человека, но была слишком испугана, чтобы обернуться. Она мяла шелковую ленту сумочки, которая была подобрана специально в тон ее сиреневому платью. Ее длинные светлые волосы были впервые уложены в шиньон с завитками по сторонам. Увидев ее наряд этим вечером, папа с сестрой сказали, что она восхитительна. Ей тоже казалось, что она выглядит красивее, чем обычно. Так она чувствовала до тех пор, пока они не приехали на прием, но сейчас среди столько красивых и ухоженных женщин, уверенно прогуливавшихся вокруг, она чувствовала себя неопытной девочкой. Как она будет танцевать с молодым человеком, которого она совсем не знает, если ее привел в смущение один лишь взгляд? Она чувствовала, что не сможет ни с кем танцевать, что просидит весь вечер, как цветок в клумбе, в углу зала, глядя, как развлекаются другие.

Кивнув, ее отец предоставил ей право самой выбрать бокал вина с серебряного подноса, который держал слуга. Юлиан Верженский вел серьезный разговор с хозяином и двумя гостями о нефтяных акциях и забастовках рабочих. Валентина болтала с подругой о веселых ночах в кисловодском курзале. Шура взяла вино, сделала вначале маленький глоток, затем глоток побольше. Она думала, что вино придаст ей уверенности и рассеет робость. В надежде вновь увидеть молодого человека, взгляд которого так потряс ее, она повернула голову в том направлении. Не увидев его там, она почувствовала стыд и разочарование, но, сделав еще один глоток вина, немного успокоилась. Внезапно она вновь ощутила обжигающий удар и подняла голову. Те же синие глаза смотрели на нее.

Оркестр играл ноктюрн Чайковского, но звуки музыки доносились словно издалека. Ей было трудно даже поддерживать разговор, продолжавшийся рядом с ней. Ноги заскользили по полу. Ей казалось, что люди вокруг слышат, как бьется

ее сердце. Молодой человек, держа бокал, вел обычный светский разговор с несколькими приятелями в офицерской форме, при этом не отрывая взгляда от нее, красивой девушки в сиреневом платье. В этот раз она тоже не отвела взгляд. Он улыбнулся и почти незаметно кивнул ей. Шура тоже улыбнулась, робко, и отвернулась, пытаясь делать вид, что слушает Валентину и ее подругу, но ее сердце колотилось как безумное. Допивая вино в бокале, она услышала предупреждение Валентины:

– Шурочка, вечер еще только начался. Если ты будешь пить так быстро, ты не сможешь не только танцевать, но даже ходить.

С пылающими щеками и блестящими глазами, Шура улыбнулась сестре. Пары двинулись в танцевальную часть зала, так как оркестр заиграл польку. В точности как и описывала Валентина, молодые люди один за другим приглашали девушек. Боясь оказаться следующей в очереди, Шура решила было выйти из зала, но было уже поздно. Она видела, как молодой человек с яркими синими глазами разговаривал с хозяйном и хозяйкой бала, а рядом с ними стоял еще один юноша.

Андрей Боринский решил подойти к Шуре и Валентине вместе со своей маленькой компанией. С улыбкой он сказал девушкам:

– Дорогие Валентина и Александра, я хотел бы представить вас этим двум молодым людям. Мой сын Петр Боринский и его близкий друг Сеит Эминов, оба поручики.

Молодые люди завершили представление коротким поклоном. Шура вслед за сестрой с улыбкой поклонилась. Когда Петр пригласил Валентину на танец, у Шуры перехватило дыхание. Теперь была ее очередь. Сеит Эминов склонился перед ней, щелкнул каблуками, протянул правую руку и сказал:

– Позвольте пригласить вас на танец, мадемуазель?

Она не смогла найти сил ответить на эти слова. Волнение было слишком велико. Предчувствие, с которым она входи-

ла в этот дом, сбывалось. Она никогда не думала, что ее так запросто может пригласить на танец незнакомый мужчина. Но этот человек, чей взгляд пронзил ее, мог управлять ею, как хотел. Он был так красив и внушителен в своей форме, в высоких блестящих сапогах, что, когда, держа ее за руку, он повел ее танцевать, у нее не было сил отказать. Она даже не ответила на его вопрос. Не говоря ни слова, она доверила себя вежливо, но твердо удерживавшим ее рукам незнакомца. Пока она кружилась с ним снова и снова, сердце стучало где-то в ушах, щеки пылали, синие глаза осыпали ее искрами, и Шура казалось, что она попала в прекрасный сон. Его пристальный взгляд волновал и смущал ее одновременно, и она отвела глаза. Что ей отвечать ему, если он решит что-нибудь спросить?

Она не знала, сколько времени продолжалась эта сладкая попытка, так как каждая ее мысль, каждое действие происходило по воле незнакомца. Хотя другие пары несколько раз поменялись партнерами, они с Эминовым продолжали танцевать. Она боялась, что потеряет молодого человека из виду, если выйдет из танца. Они танцевали. Их глаза встречались, пока она обходила его вокруг, дав ему руку, а другой поддерживая подол платья, а он стоял на колене, держа ее за руку. Его ироничный и веселый взгляд, несколько резкие, но приятные и миловидные черты лица создавали искры, которые поражали ее. Ее маленькая нежная рука чувствовала его теплую и надежную ладонь, дрожь которой передавалась всему ее телу.

Когда танцы завершились фанфарами, молодой человек медленно повел ее из круга. Шура шла за ним покорно, ощущая волнение, обуреваемая жаждой неведомых прежде приключений, не говоря ничего, не задавая никаких вопросов, отдавая себя его воле. Незнакомец, чье имя ей только что назвали, повел ее из зала, взял ее пальто у гардеробщика и накинул на плечи. Они шли через анфиладу комнат, пока не достигли зимнего сада в глубине здания. На мгновение Шура

вспомнила об отце и сестре и о том, будут ли ее искать. Все происходящее казалось ей нереальным, ей не верилось, что у нее хватает смелости делать это. Она гадала, что люди подумают о ней. Со страхом она следовала за Сеитом в сад. В саду никого не было. Красивые тюлевые занавески шевелились от ветра, светил мягкий свет. Она ждала, затаив дыхание, боясь, что молодой человек будет думать о ней как о кокетливой ветреной девушке, привычной к таким вещам. Она никак не могла бы доказать противоположное. Оба не проронили ни слова. Она задрожала от волнения и чувства вины одновременно. У нее не хватало смелости поднять голову и посмотреть на него. Она затаила дыхание и ждала.

– Вы замерзли?

Голос молодого человека был низким, мягким и теплым, почти неслышным. Он обернул ее пальто немного теснее и поднял ей воротник. Шура почувствовала, как от прикосновений его рук возле шеи и подбородка ее пульс ускорился. Она не знала, что делать с руками. Когда она подняла их, чтобы придержать воротник, их пальцы соприкоснулись. Несмотря на холод, она чувствовала, что ее лихорадит. Щеки пылали. Она не могла заставить себя поднять голову и посмотреть ему в лицо. А Сеит любовался застенчивой девушкой, стоявшей перед ним. Он чувствовал тепло внутри. Как отличалась она от других. Она должна быть намного моложе его самого. Даже пальто не скрывало, как стучит ее сердце. Ее светлые волосы падали на лоб, а щеки пылали. Длинные темные ресницы оттеняли большие, синие, слегка раскосые глаза. Изящный, чуть вздернутый нос завершал эту послушную, робкую красоту. На мгновение он подумал, что надо бы вернуть ее в зал, чтобы избежать скандала и, возможно, не ранить ее честь, ее чистоту и красоту. Но их глаза встретились. И Сеит после всего того, что он уже натворил, после всех женщин, с которыми он бывал все эти годы, был, к собственному удивлению, сражен этой юной невинной девушкой. Они смаковали

потрясающее притяжение, сильнейшее притяжение между ними. Горевшие глаза Шуры, покрасневшие щеки, вздымающаяся грудь, губы, раскрытые слишком застенчиво, – все было для Сеита теплым предложением любви, особым типом очарования, с которым он никогда не сталкивался раньше. Он чувствовал нежное тепло, которого ему всегда не хватало в одиночестве. Он не мог в это поверить. Это тепло дарила ему маленькая девочка, которую он прежде даже не встречал. Он отбросил мысль вернуться в зал. Нет, он останется здесь, вдалеке от остальных, и попробует узнать ее лучше. Возможно, перед ним стоит его судьба.

Сеит легонько коснулся руки девушки. Он боялся испугать ее. Шуре, глядевшей ему в глаза, казалось, что она находится в волшебной стране. Они стояли в зимнем саду, за окнами медленно падал снег, издали лилась музыка. Она собралась с духом и подняла голову, чтобы лучше видеть человека, который привел ее сюда.

Снежинки танцевали перед изящным светильником за окном, звуки музыки разносились по дворцу в ночи, все было частью волшебного сна. Шуре казалось, что ее ноги вот-вот оторвутся от земли и она взлетит, вот какой она ощущала подъем. Она пробормотала:

– Мне нужно идти... Меня будут искать...

Сеит внимательно посмотрел ей в глаза:

– Мы увидимся еще?

Шура подумала, что он прощается, и расстроилась.

– Вы уходите?

– О нет, я буду здесь сегодня весь вечер. Я имел в виду позже. Где вы живете? Сможем встретиться снова?

Она не верила своим ушам. Этот бравый офицер, стоявший перед ней, хотел встретиться. Но как это сделать?

– У моего отца обследование в госпитале завтра. Я не знаю. Я не думаю, что мне разрешат выходить из гостиницы одной.

– Как насчет выходных? Вас не будет на благотворительном приеме в Большом театре, который организуют Боринские?

– Дядя Андрей говорил моему отцу что-то об этом. Я думаю, они договаривались пригласить Валентину и меня. Я не знаю. Все зависит от самочувствия отца. Может, мы будем.

Сеит улыбнулся:

– Отлично! Значит, мы снова встретимся. Теперь позвольте проводить вас обратно к гостям.

Шура, словно очнувшись, пошла в сторону выхода из зимнего сада, пытаясь восстановить душевное равновесие. Она боялась, что ее глаза выдадут, что случилось, первому встречному. Нужно было успокоиться. Когда они шли в зал, он случайно прикоснулся к ее плечам. Она остановилась и повернулась к нему. Сеит с трудом сдержался, чтобы не обнять ее. Но только открыл дверь и придержал, пропуская ее.

Вскоре они присоединились к веселой компании, разгоряченной вином, музыкой и танцами. Шура вздохнула свободно, увидев, что ее не хватились, но теперь ей отчего-то было тревожно. Она боялась потерять молодого человека, с которым их так тянуло друг к другу. Согласно правилам польки они танцевали с другими партнерами, чтобы затем сойтись вновь. Каждый раз, когда они танцевали вместе, ее сердце билось так, что ей самой делалось страшно. А когда они менялись партнерами, она страдала и ревновала.

Всякий чудесный сон когда-нибудь кончается, у этого сна тоже был конец. В полночь Юлиан Верженский сообщил дочерям, что им пора идти. Девушки неохотно согласились. Они знали: отцу на следующий день предстоит лечение в больнице, ему нужен отдых. Прощаясь с Боринским, Шура краешком глаза искала Сеита в надежде увидеть его еще раз. Но его рядом не было. «Кто знает, с кем он флиртует сейчас», – подумалось ей. Ей было неприятно, что она придает мимолетной встрече такое значение. Она чувствовала себя глупой. Даже если бы отец настоял, она бы не осталась здесь ни минутой

дольше. Ей хотелось вернуться в их гостиничный номер, остаться одной и поплакать. Слезы уже навернулись на глаза. Пытаясь надеть сумочку на запястье, она уронила муфту. Она едва успела подобрать юбку и нагнуться, как услышала его голос. Он поднял муфту и протянул ей. Его прикосновение было мягче меха муфты. Он заглянул ей в глаза и прошептал:

– Я буду ждать вечера субботы.

Шура, трепетавшая, как лист на ветру, пробормотала что-то невнятное, прежде чем сбегать по лестнице к сестре и отцу. Ей хотелось кричать от счастья. Внимание было неподдельным. Она вновь увидит его.

«Боже! О, помоги мне, господи! Дай мне увидеть его, пожалуйста!»

Внезапно она вспомнила, что на следующий день у отца операция. По дороге в гостиницу она молилась Вседержителю и Богородице и просила о двух вещах: чтобы отец был здоров и чтобы она вновь встретилась с человеком, в которого влюбилась.

* * *

В приемном покое Голицынской больницы на Большой Калужской улице две девушки ожидали новостей из операционной. Поддерживая друг друга, они сидели, держась за руки. Они видели отца, перед тем как его отвезли в операционную. Они поцеловали его и пожелали удачи. С тех пор прошло более четырех часов, а они все ждали. Их тревога потихоньку перерастала в страх. Они молились про себя и ждали, боясь проронить хоть слово. Приемный покой больше напоминал гостиную хорошо обставленного дома. Единственное, что напоминало о больнице, – легкий запах дезинфекции, распространявшийся от коридора. Внезапно дверь распахнулась, и появился Андрей Боринский. Девушки вскочили и подбежали к нему. Со слезами на глазах они спрашивали:

– Дядя Андрей! Операция закончилась?

– Как отец? Пожалуйста, скажите нам.

Андрей Боринский обнял их за плечи и попытался успокоить:

– Тише! Я уверен, что все хорошо.

Валентина, все еще сомневаясь, спросила сквозь слезы:

– Операция идет слишком долго, дядя Андрей. Вы уверены, что с отцом ничего не случилось?

– Я уверен, дитя мое, я уверен. Доктор сказал, что все прошло по плану. Не забывайте, вашему отцу делают очень серьезную операцию. Это требует некоторого времени, но, поверьте мне, все под контролем. Не беспокойтесь, я тоже жду здесь вместе с вами. Как только наш дорогой Юлиан покинет операционную, нам сообщат. А теперь успокойтесь. Идемте присядем. Расскажите мне о Кисловодске. Как там жизнь? Так же весело, как в Москве?

Валентина начала отвечать на его вопросы. Шура растерянно смотрела в окно, прижавшись лбом к стеклу, потом стерла чуть-чуть изморозь со стекла и стала смотреть, как на сад падают снежинки. Путь некоторых снежинок она пыталась повторить, рисуя указательным пальцем по стеклу. Как все было безмятежно там, снаружи. Слезы навернулись ей на глаза. Она не хотела даже думать о том, что отец может умереть. Она потянулась к крестику на золотой цепочке и сжала его. Потом подняла голову. Небеса были покрыты серыми снежными облаками. Беспокойство нарастало. Лишь бы с отцом все было хорошо. Она чувствовала стыд за молитвы прошлым вечером. Молитвы должны были быть только об отце, да простит ее Бог, если он слышал их. Но она весь вечер молила Небеса о встрече с человеком, с которым едва познакомилась. Если что-то случится с отцом, она никогда себе этого не простит.

Еще час спустя главный хирург наконец-то вошел в приемный покой. Они затаили дыхание.

– Слава богу, все прошло отлично. Скоро придет хирург вашего отца и расскажет подробности.

Девушки обнялись, облегченно вздохнув. Им хотелось увидеть отца немедленно.

– Пока нельзя, он сейчас глубоко спит, но, поверьте, с ним все в порядке. Думаю, вам надо пойти отдохнуть. А завтра утром вернетесь и сможете недолго побыть с ним.

Доктор выглядел уверенно, так что не было смысла спорить с ним. Боринский решил помочь доктору увести девушек.

– Пойдемте! Сейчас поедемте к нам, отговорки не принимаются! Не думаете ли вы, милые барышни, что я оставлю дочерей лучшего друга одних в гостиничном номере?

– Но, дядя Андрей, у нас вещи в гостинице!

– Ничего страшного. По дороге мы заедем в вашу гостиницу, и вы заберете все ваши вещи. Мы в любом случае вернемся сюда завтра утром. Вашему отцу мы скажем, что вы у нас. Не пойму, почему мы не позаботились об этом раньше.

Ночью у Боринских сестры с трудом дождались утра. Встреча с отцом, однако, была не такой радужной, как они ожидали. Им не разрешили войти к нему в комнату, потому что он был еще слишком слаб. Им разрешили только посмотреть на него через стекло в двери. Шура с трудом узнала его – так он был изможден и слаб. Усы и бороду отцу сбрили. Глаза его казались меньше, черты лица заострились. Вокруг шеи торчали какие-то трубки. Девушки смотрели на отца в замешательстве. Доктор сказал отцу что-то. Юлиан Верженский попытался повернуть голову в сторону двери. Доктор попробовал помочь ему, придерживая трубки и подкладывая подушки. Бледное лицо повернулось, и глаза отца взглянули в сторону дочерей. С большим трудом он изобразил подобие улыбки. Они в свою очередь помахали ему, с трудом сдерживая слезы. Слабое движение оставило Верженского без сил. Застонав, он закрыл глаза. Доктор дал знак уйти, а пациенту помог лечь в прежнем

положении. Главный врач повел Боринского и девушек прочь от палаты. Шура плакала. Валентина негодовала:

– Что с отцом? Разве ему не должно быть лучше?

– С вашим отцом все в порядке, барышня. Просто он перенес тяжелую операцию, поймите, и нужно время на поправку, – голос доктора был тихим и обнадеживающим.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА